

Т. М. Шкапенко, И. Ю. Вертелова
Калининград, Россия

МАРКЕРЫ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К ПЕРЕВОДНЫМ СТАТЬЯМ ПОЛЬСКИХ СМИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению интернет-комментариев (далее ИК) к переводным статьям из польских СМИ, размещенным на портале «ИноСМИ.Ру». Основной коммуникативной целью большинства ИК является выражение субъективной эмоциональной оценки Польши как исторического и геополитического субъекта и польской нации как носителя определенного типа менталитета. Превалирующее в высказываниях негативное отношение к Польше и полякам возникает на основе взаимодействия содержащихся в статьях стимулов с уже имеющимися у комментаторов оценочными знаниями в области российско-польских взаимоотношений. В условиях пресуппозиционного давления первичный текст рассматривается читателями как дополнительное подтверждение справедливости уже сформировавшихся позиций и действует в качестве стимула, усиливающего эмоциональность высказываемых отрицательных оценок. Совокупность языковых средств, используемых с целью выражения мнения о Польше и поляках, формирует агрессивный, инвективный дискурс. Основными маркерами вербальной агрессии являются метафорические средства и эмоционально-экспрессивные этнофолизмы, значительное количество которых образовано с помощью различных приемов языковой игры. Изобретаемые пользователями слова дискредитируют объект обсуждения, реализуют иллюкутивную цель намеренного оскорбления и входят в постоянный состав маркеров языка вражды данного интернет-сегмента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; медиадискурс; медиалингвистика; интернет-комментарии; инвективный дискурс; язык вражды; этнофолизмы; зооморфные метафоры; морбиальные метафоры; польские СМИ, СМИ; средства массовой информации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Шкапенко Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: tshkapenko@kantiana.ru.

Вертелова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14; e-mail: vertelova-irina@yandex.ru.

Введение. Одним из следствий стремительного развития интернет-технологий явилось освоение журналистикой виртуальных площадок, повлекшее за собой видоизменение и обогащение основных журналистских жанров. Значительные изменения претерпела в Интернете традиционная газетная статья, утратившая статус одностороннего канала передачи информации и приобретшая интерактивный формат. Как справедливо указывает И. В. Анохов, «печатные органы окончательно потеряли монополию на рынке информации. Более того, сегодня уже нельзя уверенно сказать, кто является автором информации: редакция газеты или комментаторы на ее сайте <...>» [Анохов 2017: 482]. Интерактивный компонент статей вызывает значительный интерес исследователей медиадискурса, анализирующих данный феномен преимущественно с точки зрения его дифференциальных жанровых характеристик [Гималетдинова 2012; Карпоян 2014] и типологии объектов, порождающих комментарии читателя [Стексова 2013; Савельева 2013].

Значительно реже интернет-комментарии используются в качестве живого эмпирического материала для комплексного изучения трех уровней реализации коммуникативного события: дискурсивного, лингвистического и социального. Особый интерес в данной связи представляют собой комментарии российских читателей к переводным материалам газетных статей из польских СМИ, публикуемым на российском портале «ИноСМИ.ру». Сложный характер польско-

российских взаимоотношений находит свое непосредственное отражение в используемых в комментариях дискурсивных и языковых средствах, предоставляя объективную основу для понимания специфики социальной практики взаимоотношений двух этносоциумов.

Методология. Интерес к изучению интерактивного компонента политического медиадискурса привел к признанию интернет-комментариев в качестве самостоятельного феномена политического дискурса. Одним из наиболее значимых результатов такого осмысления является возникновение в рамках российской политической лингвистики нового парадигмального подхода, получившего наименование «обыденной лингвополитологии» [Голев 2011; Голев, Шанина 2013]. Основной исследовательский алгоритм, предложенный его авторами, состоит в «реконструкции обыденного метаязыкового сознания по его „продуктам“, которые обнаруживаются в текстах рядовых носителей языка, обсуждающих политические проблемы на интернет-сайтах» [Голев 2013: 30].

Нелинейный характер ИК как типовых объектов обыденной лингвополитологии, представляющих собой вторичный по отношению к газетному материалу текст, предполагает включение в процесс анализа трех уровней его реализации. Наиболее релевантную методологию исследования феномена ИК способна предоставить трехмерная модель критического дискурс-анализа Нормана Фэйрклафом [Fairclough 2003], включающая анализ дискурсивного, лингвистического и соци-

ального контекстов анализируемого коммуникативного события.

На первом уровне анализа ИК в работе используется предложенная российскими лингвистами типология объектов первичного текста, выполняющих роль стимулов содержащихся в комментариях высказываний. Согласно Т. И. Стексовой, к таковым относятся пропозитивное содержание текста-стимула; персонаж/герой текста; пропозитивное содержание другого комментария; автор/журналист текста; автор другого комментария; ассоциативные связи [Стеклова 2013: 92]. И. В. Савельева строит свою классификацию на основе различных типов восприятия политических статей, указывая на две основные формы восприятия: целостное и фрагментарное [Савельева 2013: 154].

Инвективный характер дискурса, свойственный рассматриваемому интернет-сегменту, обусловил необходимость обращения в работе к анализу средств, конституирующих так называемый язык вражды [Burchfield 1980; Burnap 2015; Nobata 2016], в первую очередь этнофолизмов, под которыми принято понимать слова, используемые как этнические ярлыки в неуважительном или оскорбительном смысле [Куманицина 2005; Djuric 2015; Henderson 2003]. Описание игрем-этнофолизмов опирается на идеи исследователей феномена языковой игры в интернет-дискурсе [Куманицина 2005; Михневич 2015], в то время как в основе анализа метафорических наименований лежит когнитивный подход Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980], развитый и обогащенный по отношению к политическому дискурсу А. П. Чудиновым [Чудинов 2001].

Дискурсивный уровень интернет-комментариев. Объектом нашего исследовательского интереса явились комментарии к статьям из польских печатных и электронных СМИ, переводы которых размещены на интернет-портале «ИноСМИ.ru» в период с 2015 по 2018 г. Спектр представленных польских СМИ достаточно репрезентативен: «Gazeta Wyborcza», «Wirtualna Polska», «Polityka», «Rzeczpospolita», «Nasz Dziennik», «Nowa Europa Wschodnia», «Do Rzeczy», «Newsweek Polska», «fronda.ru», «wPolityce», «Polska» и др. Основная тематика комментируемых статей: присоединение Крыма к России, украинско-российский конфликт, западные санкции по отношению к России, экономическая ситуация в России, российско-американские отношения, польско-американские отношения, личность президента России В. В. Путина, смоленская катастрофа, строительство газопровода «Северный поток», участие России в военной опе-

рации в Сирии, вопрос о так называемой советской оккупации и ликвидации советских памятников, российская оппозиция, отстранение российских спортсменов от участия в Олимпийских играх 2018 г. и другие.

Несмотря на чрезвычайно широкий тематический спектр, только в 18 % комментариев авторы непосредственным образом апеллируют к какому-либо описанному в статье событию, факту или персоне. Все остальные ИК характеризуются удивительным единообразием, представляя собой мнения пишущих о Польше и поляках в целом. Значительно реже объектом комментирования становится автор статьи, однако и в этом случае оценочные высказывания содержат в себе негативные характеристики польского журналиста как типичного представителя своей страны и нации (9 %). Такое же число комментариев апеллирует к персонам, фигурирующим в тексте статьи, к которым чаще всего относятся представители органов власти Республики Польша.

Отличительной особенностью анализируемого сегмента ИК является практически полное отсутствие в ветках комментариев «третичных» текстов, стимулируемых высказываниями других участников обсуждения. Столь редкое для сферы политического комментария единство мнений может объясняться общностью оценки, являющейся результатом эмоциональной реакции на постоянный обвинительный дискурс польских статей, во многом отражающий фундаментальные основы современной польской историографической науки и современной геополитической практики. Как следствие, основным стимулом, вызывающим потребность в комментировании, становится общее содержание статей и присутствующие в них интерпретации различных событий и процессов.

Этнофолизмы как маркеры языка вражды. Конструктивные особенности дискурсивных практик находят свое отражение на лингвистическом уровне ИК. Выбор в качестве основного объекта комментирования генерализованного субъекта — польского государства и нации — обуславливает сконцентрированность авторов на тех языковых средствах, которые позволяют в максимальной степени передать их негативные эмоциональные оценки. В данном ряду выделяются уже существующие в русском языке лексемы-этнонимы и новые, изобретаемые авторами комментариев языковые знаки. К числу первых относятся широко употребительные лексемы *поляки*, *пшеки*, *ляхи*.

Использование этнонима *поляки* в текстах комментариев можно было бы признать нейтральным, не имеющим никаких

дополнительных коннотаций наименованием, если бы не его специфическое контекстуальное окружение. Относящиеся к нему прилагательные характеризуют негативные моральные или интеллектуальные качества представителей польской нации: *глупые, недалекие, тупые, безумные, темные, неблагодарные, злые, завистливые, спесивые, кичливые, гордые, жестокие, убогие* и др.: — *Поляки неблагодарный, завистливый, ничтожный народец. — Неужели все поляки тупые как сельди? Или это только их официальные СМИ такие? — Поляки опять скажут по своим граблям. Убогие...* [ИносмиРу <http://>].^[1]

Эти же прилагательные используются в качестве определений к словам *ляхи* и *пшеки*, уже содержащим в своей семантике негативные коннотации, отмечаемые не всеми словарями. Так, согласно Т. Ф. Ефремовой: «*ляхи*: 1) То же, что: поляки. 2) Название польских племен (в этнографии и истории)» [Ефремова 2000]. В то же время авторы «Словаря русских фамилий» указывают: «*Лях* — прозвище поляка в старину. Из-за частых войн с Польшей слово '*лях*' в старину имело и переносное, бранное значение: *супротивник, враг*» [Корнева <http://>].

Слово *пшеки* не регистрируется толковыми словарями русского языка, как и многие другие просторечные этнофолизмы, несмотря на то, что является весьма распространенным в обиходной русской речи наименованием польской нации. Звукоподражательность данного этнонима, в основе которого лежит мотивирующий признак насыщенности польской речи шипящими согласными, имплицитно указывает на принадлежность к пейоративной лексике. Прилагательные, относящиеся к словам *пшеки* и *ляхи*, атрибутируют всему польскому этносу отрицательные моральные или интеллектуальные качества: — *Глупые ляхи хотят свою оборону укрепить за счёт своих хозяев пендосов, совсем забыв при этом, что те могут потребовать за свои услуги кое-что взамен...* — *Лично я о Польше слышу только из ИноСМИ, мания величия у поляков непомерная, одно слово „кичливый лях“.*^[2]

При этом значительная часть высказываний подчеркивает универсальность, «хроничность» и неисправимость общенациональных польских пороков: — *М-да... Поляки хоть бы для разнообразия что-нибудь умное написали. — Поляки в своем репертуаре... Как всегда дышат ядом и брызжут желчью... — Пшеки — вечные лузеры, умудрившиеся проиграть все войны...*

Характерной особенностью речевых ак-

тов ИК является значительный удельный вес фатического общения, обращенного не к автору прочитанного материала, а ко всем полякам в целом: — *Дорогие поляки, к сожалению, у вас нет возможности думать ни своими мозгами, ни задним умом... — Несчастные поляки, как мне их жалко. Правду говорят, когда Бог хочет наказать, то он лишает разума (разумности, наверное, будет точнее).*

В отдельных случаях обращения принимают форму угрозы, выражаемой с помощью различных типов комиссивных речевых актов: — *Отомстит вам, история, ляхи неблагодарные. — Пшеки неблагодарные... Уже и ни смешно, и ни горько. Их Бог регулярно наказывает раздлами за их подлость.*

Постоянное указание на неблагодарность поляков является одним из самых распространенных в ИК, во многом объясняющим причины столь высокой эмоциональности и агрессивности высказываемых оценок. Иллокутивная цель нанести оскорбление находит свое выражение в использовании суффиксальных образований с уменьшительно-уничижительным значением — *полячишки и народец*: — *Этот польский народец отравлен и всегда был отравлен комплексом национальной исключительности. — Полячишки, бросайте выть. Займитесь своей псевдостраной.*

Комментаторы не ограничиваются уже существующими в языке этнонимическими номинациями, создавая собственные игровые средства. К ним относится слово *поленья*, образованное на основе созвучия нейтральных этнонимов (*поляки, Полония*) с существительным *полено*, в переносном смысле обозначающим крайнюю, непроходимую степень тупости. Авторы оригинальной лексики создают новый языковой знак, вплетая в идентификационную семантику существующего нейтрального этнонима субъективную прагматику. В результате конструируется диффузный смысл, в рамках которого польская нация предстает носителем основной, приписываемой им черты, — крайней степени тупости. При этом следует осознавать, что в основе номинации отнюдь не лежит оценка интеллектуального потенциала польской нации. По мнению коллективного интернет-номинатора, тупость поляков состоит в их патологической неспособности понять и принять российскую точку зрения на многие исторические процессы и реалии, в их последовательной антироссийскости, враждебности и исторической неблагодарности по отношению к России.

Образуемый языковой знак имеет явно

выраженную инвективную направленность, становится устойчивой номинацией в рамках данного портала: — *Поленья решили заняться бактериологическим оружием. — Польша России ВАЩЕ не нужна. Постарайтесь это понять. Хотя, куда уж вам, поленьям...* — *Поленья жгут в свойственной им манере.*

Сходный тип конструирования значения посредством образования игрем, выполняющих дискредитационную функцию, характерен для НЕ *подляки, Подльша, подльский*, в которых идентификационная сема национальности подавляется прагматическим признаком подлости, в результате чего рождается гибридный игровой знак.

Сильная эмоциональная реакция, в первую очередь на действия, оцениваемые как историческая неблагодарность поляков, вызывает потребность в создании такого гибридного смысла, в котором само исходное языковое «сырье» ведет номинатора к извлечению таящихся в нем семантико-прагматических «ископаемых». С огромной долей уверенности можно предположить, что открытия внутренних, игровых ресурсов знака не произошло бы, если бы не давление определенных экстралингвистических факторов, направляющих лингвокреативный поиск комментаторов в соответствующее русло. Потенциальное наличие в нейтральных этнонимах *Польша* и *поляки* фонемы *д* обыгрывается в следующем примере, относимом к так называемым «афонаризмам» недели на форуме «ForUA»: *Жили-были два племени — в Киеве и окрестностях подляне, а на территории современной Польши — подляки. А потом клятая имперская историография выкинула из их исторических названий буквы „д“ для благозвучия [ForUA http].*

Игровые модели конструирования инвектив характерны и для образования новых знаков-названий страны, представляющих собой дериваты от названий-этнонимов: *пшеки: Пшекия, ляхи — Ляхляндия, поляки — Поляндия, поленья — Поления, подляки — Подльша*. Стремление подчеркнуть жалкость и убожество политических претензий и амбиций Польши выражается в образовании семантико-прагматического гибрида *Великопшекия*. Та же субъективная оценка амбиций Польши как достойных исключительно жалости и осмеяния отражается в основанном на параномазии игровом преобразовании официального наименования польского государства *Rzecz Pospolita (Печь Посполитая)* в *Ржачьпосполита*.

Конкретные примеры употребления данных «лингвосамородков» либо апеллируют к прошлому: *Какому-такому духу свободы*

могут нас, русских, научить пшеки? Той свободе, с которой польская национальная героиня Мария Валевска раздвигала свои изящные ножки перед Наполеоном Бонапартом, выключившая у этого французика восстановление границ ВеликоПшекии времен 1774г.? — либо указывают на жалкую роль современной Польши как прислужницы Вашингтона, который также получает новый семиотический ракурс *Фашингтона*: — *А ржачьпосполита о том, как бы хорошо было снова стать любимой женой белого (ой, ныне черного!) господина. — Зря эти нищелюбы поставили на фашингтон в противовес Европе, да ещё и против России.*

Рассматриваемые игремы выполняют функцию намеренной дискредитации и оскорбления номинируемых объектов, генерируют новые социальные смыслы, ставящие знак равенства между национальной принадлежностью и той чертой характера, которая избирается в качестве определяющей сущности национального менталитета в целом.

Зооморфная и морбиальная метафора как маркеры языка вражды.

К числу основных маркеров языковой вражды в рамках анализируемого интернет-сегмента относятся также метафорические средства номинации. В рамках зооморфной метафоры чаще всего доменным источником выступает собака (*шавки, собачонка*), а именно такие ее свойства, как наличие хозяйина, беспрекословное служение тому господину, который ее кормит, а также проявление враждебности и агрессии по отношению к его врагам. Такое метафорическое видение объективируется в указании на действия, производимые этими животными, которые *тявкают, лают, брешут, оскаливаются, убегают, поджав хвосты*, и т. п.: — *Полония служит собакой в Белом доме, оттого ей „предложили внести коррективы в маршрут самолёта“.* — *Польские шавки тявкают на Россию и оглядываются на полкана, а максимка лишь ухмыляется.*

Средства зооморфной метафоры подчеркивают геополитическую незначительность польского государства, продажность и сервиллизм его властей. Речевые акты, направленные на понижение статуса Польши, одновременно повышают статус собственного государства.

Следующим высокочастотным источником зооморфной метафоры являются образы *шакала* и *гиены*, которым в словарях даются такие характеристики: «шакал — это хищное, похожее на волка животное семейства собачьих, питающееся преимущественно падалью. 2. разг. Жадный, хищный человек» [Ефремова 2000], «гиена — хищное

млекопитающее, обитающее в открытой местности, <...> и питающееся обычно падалью. II м. и ж. 1. разг. сниж. Жадный и коварный человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово» [Там же].

— *Вот шакалье)) даже смешно читать, как полякам не противно быть таким заискивающим существом. — Господин назначил меня любимой женой! двусторонний военный союз Вашингтона и Варшавы ... жалкое шакалье ... — А для чего России нужно было сбивать малазийский лайнер? Неужели только для того чтобы накормить вечно голодных польских гиен????*

Данные метафоры являются одним из самых распространенных в рамках ИК средством выражения намеренного оскорбления Польши. Примечательно, что многие авторы пытаются разделить ответственность за инвективный дискурс, апеллируя к авторитетным источникам (К. Маркс и Ф. Энгельс, У. Черчилль, Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, Р. Киплинг). Так, «шакалья» метафора актуализируется с помощью цитаты из «Книги джунглей» Р. Киплинга: *Шерхан поднял голову, а шакалёнок закричал: „А мы пойдём на север!“ Вот и вся сказочка!* Уподобление польского государства гиене неоднократно связывается авторами с «первоисточником» данной метафоризации, премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, сказавшим: «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [Цит. по: Леонтьев 2012: 32].^[3] Высокий уровень интертекстуальности, свойственный данному порталу в целом, свидетельствует не только о наличии определенного багажа знаний, но и о стремлении аргументировать собственные негативные оценки, связать текущие события и исторический опыт в единое целое.

Комментаторы не ограничиваются уже существующими метафорами, изобретая новые словоформы. Так, предлагая оригинальное обозначение *семейство поляковые*, его автор строит свое определение по образцу научных дефиниций, перечисляя основные дифференциальные признаки вида:

Поляк — единственный представитель Семейства Поляковые, отряда приматов. Обитают на Равнинах Восточной Европы. Самки намного крупнее самцов. Всеядны, не брезгают падалью. Держатся небольшими стаями. Довольно пугливы, при первой же опасности спасаются бегством. В неволе агрессивны, приучаются плохо. Могут укусить тех, кто кормит с рук.

Биологизация атрибутируемых польской нации свойств в качестве конституирующих их национальный менталитет подчеркивает

их стабильный, по мнению комментатора, вневременной характер. Присущая данному определению инвективная направленность низводит статус характеризуемого объекта на самый низкий уровень, лишая его права принадлежать к виду *homo sapiens*.

В рамках морбиальной метафоры основным концептуальным источником служат наименования различных умственных и психических расстройств: — *По ходу, это у пшеков паранойя: всюду мерещатся враги в облике России. — Поляки сама посредственность. У них мания величия и синдром недостатка внимания. — Общепольский диагноз — паранойя с манией величия.*

Авторы ИК не довольствуются расхожими диагностическими формулировками со стертой метафоричностью, изобретая название новой болезни, в которой слово *поляк* ставится в качестве замены самого диагноза — *поляк головного мозга*: — *Вы не в курсе, приняли ли во всем мире формулировку диагноза „поляк головного мозга“? — Веслав Биненда — диагноз: острый поляк головного мозга... лечить полонезом Огинского, до посинения...*

Отдаленное рифмическое созвучие с наименованием смертельной, разрушающей мозг болезни становится основанием для появления безапелляционного игрового диагноза. Участники обсуждения одобряют инвективную метафорическую людему, комментируя: — *Очень похоже на польскую паранойю. Уж не скажешь лучше, чем было сказано: „поляк головного мозга“.*

Примечательно, что как наследственное заболевание квалифицируется авторами ИК свойственная полякам русофобия: *Так что, прочитав все это, я пришел к выводу, что, несмотря на то, что на ИноСМИ периодически появляются здравые польские статьи — поляки в своем сознании никогда не изменятся, у них русофобия с молоком матери видимо выпитывается.*

Кроме вышеуказанных номинаций, существуют менее распространенные, окказиональные способы морбиальной метафоризации, например, использование медицинского термина *фимоз*, обозначающего врожденную патологию наружной крайней плоти, вызывающую половую дисфункциональность субъекта. При этом авторы используют метонимический перенос болезни с одной части тела на другую: *Почитал комменты на польском форуме — это жесткач (((. Они ж фимозны на всю голову.*

Таким образом, основным объектом ИК становится обобщенный образ Польши и поляков, вокруг которого не только склады-

вается особая инвективная зона, но и кипит лингвокреативная деятельность, реализуется ономазиологический талант комментаторов, изобретающих новые, окказиональные средства языка вражды. Крайняя степень возмущения, которую вызывает у комментаторов позиция авторов польских статей, требует выхода в образовании новых языковых знаков, способных в полной мере удовлетворить эмоциональное стремление авторов к намеренной депрециации и оскорблению объекта их враждебного отношения.

Одновременно большинство комментаторов стремятся передать чувство собственного превосходства, подчеркнуть, что все агрессивные выпады поляков против России лишь забавляют их и доставляют удовольствие: — *Как же я люблю польскую „пляску Витта“! С утра до ночи читала бы польские статьи. Помнится только ради них и осталась на ИНОСМИ. — Как пшек наяривает. Читать приятно. — Пшеки — мелкие пакостники, но поржать с них весело. — Убогие пшеки пребывают в своём привычном состоянии — бьются в русофобской истерике. И это радует.*

Повышение собственного статуса за счет понижения статуса адресата характерно также для иронических высказываний: — *Какие гордые поляки, прям кушать не могут... — Какое очаровательное бешеное полено!*

В определенной части комментарий юмор приобретает черную окраску, отражая все более возрастающую враждебность авторов ИК. Такие высказывания в первую очередь характерны для переводных материалов, описывающих мнения польских комиссий или специалистов, излагающих конспирологические версии смоленской катастрофы в 2010 г. и подозревающие российские власти в причастности к ней.

Заключение. Язык ИК к переводным статьям польских журналистов представляет собой совокупный продукт оценки конкретной статьи и долговременных социальных практик, сложившихся на протяжении длительной истории российско-польских взаимоотношений. Под воздействием устойчивых межнациональных стереотипов все тексты польских статей изначально получают в восприятии читателей портала «ИноСМИ.Ру» презумпцию виновности, выполняя роль пускового механизма для агрессивного речевого поведения комментаторов. Основным стимулом высказываний становится не внутренняя фактология статьи, а обобщенный образ польского государства и нации, которым приписываются многочисленные негативные свойства. В результате формируется сосредоточенный вокруг одного объекта ин-

вективный дискурс, образуемый разноуровневыми маркерами языка вражды.

Языковой уровень представлен дериватами с суффиксами субъективной (негативной) оценки, эмоционально-экспрессивными этнофолизмами, функционирующими в русском языке или изобретаемыми авторами комментариев, а также характеристиками описываемого объекта с помощью средств зооморфной и морбиальной метафоры. Многочисленные авторские игры подвергаются в рамках данного портала узуализации, входя в состав постоянных лексических маркеров языка вражды.

К основным дискурсивным характеристикам рассмотренных ИК относится унификация и генерализация адресата, в роли которого выступают Польша и поляки как носители определенных черт менталитета. Иллокутивная цель дискредитации и оскорбления обуславливает преобладание прямых и косвенных речевых актов отрицательной оценки, в том числе направленных на создание иронического эффекта. Совокупность составляющих язык вражды разноуровневых средств обеспечивает выполнение ими инвективных функций и отражает негативный, агрессивный характер отношения участников портала к объекту комментирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Здесь и далее приводятся высказывания участников портала «ИносмиРу» (<https://inosmi.ru/>). Орфография авторов комментариев сохраняется.

[2]. Автор ставит данное определение в кавычки, ссылаясь на известное стихотворение А. С. Пушкина «Клеветникам России», увековечившее неравный спор между *кичливым ляхом и верным россом*.

[3]. Историческим фоном данного высказывания явилось предъявление Польшей ультиматума Чехословакии о «возвращении» Тешинской области, где проживало 80 тысяч поляков и 120 тысяч чехов. 30 сентября 1938 г., в день подписания Мюнхенского соглашения, одновременно с немецкими войсками Польша ввела свою армию в Тешинскую область, предмет территориальных споров между ней и Чехословакией в 1918—1920 гг.

ИСТОЧНИКИ

1. ИносмиРу [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/>.

2. ForUA [Электронный ресурс]. URL: <http://forua.info/viewtopic.php?f=2&t=28130> (дата обращения: 03.03.2018).

ЛИТЕРАТУРА

3. Анохов И. В. От средств массового вещания к средствам массового соучастия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 4. С. 482—495.

4. Гималетдинова Г. К. Лингвистические основы интерак-

тивной газетной статье: к постановке вопроса // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 143—148.

5. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика : тез. междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. С. 66—69.

6. Голев Н. Д., Шанина А. В. Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (41). С. 178—186.

7. Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: мета-языковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. — М. : Русский язык, 2000. 1088 с.

9. Карпоян С. М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2014. 25 с.

10. Корнева О. В. Словарь русских фамилий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.okorneva.ru/proishozhdenie--familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/lyahov/> (дата обращения: 01.05.2018).

11. Куманицина Е. И. Феномен языковой игры в СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2005. Сер. 2 (4). С. 165—170.

12. Леонтьев М. Л. Большая игра. Британская империя против России и СССР — М. : Астрель ; СПб. : Астрель-СПб, 2012. 347 с.

13. Михневич О. И. Особенности языковой игры в массмедийном политическом дискурсе // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность ; Лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 99—104. Савельева И. В. Стратегии восприятия политических текстов авторами комментариев в интернет-среде // Вестн. КемГУ. 2013. № 2 (54). С. 152—156.

T. M. Shkapenko, I. Y. Vertelova
Kaliningrad, Russia

HATE SPEECH MARKERS IN INTERNET COMMENTS TO TRANSLATED ARTICLES FROM POLISH MEDIA

ABSTRACT. *The article focuses on the discourse features of Internet comments (further IC) on Polish media articles translated into Russian language and placed on the website Inosmi.ru. The main communicative purpose of the commenting utterances is to express an emotional attitude to Poland as historical and geopolitical subject, and to the Polish nation as the carrier of a certain type of mentality. Prevailing negative assessments of Poland and Poles evolve from interaction of the incentives found in the articles with the already existing attitude to the Russian-Polish relationship. Under the pressure of presupposition the primary text is considered by readers only as an additional confirmation that the views formed before are fair and in these terms the primary text works as a trigger enhancing the emotionality of negative utterances. The set of the linguistic means used with the aim of expressing the opinion on Poland and Poles forms an aggressive, invective discourse. The main markers of verbal aggression are metaphorical means and expressional ethnophobias, the large part of which is formed by the commentators as a result of language game act. The invented words discredit the subject of discussion, add the illocutionary purpose of intended insult and become a constant part of markers of speech hatred on this Internet segment.*

KEYWORDS: *political discourse; media discourse; medial linguistics; Internet comments; invective discourse; language of opposition; ethnophobism; zoomorph metaphors; morbid metaphors; Polish media; mass media; media.*

ABOUT THE AUTHORS: *Shkapenko Tatiana Mikchailovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.*

Vertelova Irina Jur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

REFERENCES

1. InosmiRu [Elektronnyy resurs]. URL: <https://inosmi.ru/>.
 2. ForUA [Elektronnyy resurs]. URL: <http://for-ua.info/view-topic.php?f=2&t=28130> (data obrashcheniya:03.03.2018).
 3. Anokhov I. V. Ot sredstv massovogo veshchaniya k sredstvum massovogo souchastiya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. Т. 6. № 4. С. 482—495.
 4. Gimaletdinova G. K. Lingvisticheskie osnovy interaktivnoy gazetnoy stat'i: k postanovke voprosa // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3 (41). С. 143—148.
 5. Golev N. D. Obydennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tez. mezhdunar. nauch. konf. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. С. 66—69.
 6. Golev N. D., Shanina A. V. Obydenny politicheskiy diskurs na saytakh Runeta s fashistskim i antifashistskim soderzhaniem // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 2 (41).

14. Стеклова Т. И. Объекты комментариев в интерактивной газетной статье // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. № 10. С. 91—95.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

16. Burchfield R. Dictionaries and Ethnic Sensibilities // The State of the Language / ed. Leonard Michaels, Christopher Ricks. — California : Univ. of California Pr., 1980. P. 15—23.

17. Burnap P., Williams M. L. Cyber hate speech on twitter: An application of machine classification and statistical modeling for policy and decision making // CWSM Workshop on Religion and Social Media. — Oxford : Univ. of Oxford, 2015. № 7 (2). P. 223—242.

18. Djuric N., Zhou J., Morris R., Grbovic M., Radosavljevic V., Bhamidi N. Hate speech detection with comment embeddings // In Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web. — New York, NY, USA, 2015. P. 29—30.

19. Fairclough N. Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003. 270 p.

20. Henderson A. What's in a Slur? // American Speech. 2003. Vol. 78 (1). P. 52—74. DOI: <https://doi.org/10.1215/00031283-78-1-52/>.

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

22. Nobata C., Tetreault J., Thomas A., Mehdad Y., Chang Y. Abusive language detection in online user content // Proceedings of the 25th International Conference on World Wide Web. — Montréal : Québec, Canada, 2016. P. 145—153.

S. 178—186.

7. Golev N. D. Obydenny politicheskiy diskurs: metazykovoy i metalingvisticheskiy aspekty // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. — М. : Русский язык, 2000. 1088 с.

9. Карпоян С. М. Эпистемическая модальность в интернет-комментарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 2014. 25 с.

10. Корнева О. В. Словарь русских фамилий [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.okorneva.ru/proishozhdenie--familiy-kamyishlovskogo-uezda-slovar-uralskih-familiy/lyahov/> (data obrashcheniya: 01.05.2018).

11. Куманицина Е. И. Феномен языковой игры в СМИ // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2005. Сер. 2 (4). С. 165—170.

12. Леонтьев М. Л. Большая игра. Британская империя против

Rossii i SSSR — M. : Astrel' ; SPb. : Astrel'-SPb, 2012. 347 s.

13. Mikhnevich O. I. Osobennosti yazykovoy igry v mass-mediynom politicheskom diskurse // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost' ; Lingvistika kreativa. 2015. № 1. S. 99—104. Saveleva I. V. Strategii vospriyatiya politicheskikh tekstov avtorami kommentariy v internet-srede // Vestn. KemGU. 2013. № 2 (54). S. 152—156.

14. Steksova T. I. Ob"ekty kommentariy v interaktivnoy gazetnoy stat'e // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013. № 10. S. 91—95.

15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.

16. Burchfield R. Dictionaries and Ethnic Sensibilities // The State of the Language / ed. Leonard Michaels, Christopher Ricks. — California : Univ. of California Pr., 1980. P. 15—23.

17. Burnap P., Williams M. L. Cyber hate speech on twitter: An application of machine classification and statistical modeling for policy and decision making // CWSM Workshop on Religion and Social Media. — Oxford : Univ. of Oxford, 2015. № 7 (2). P. 223—242.

18. Djuric N., Zhou J., Morris R., Grbovic M., Radosavljevic V., Bhamidi N. Hate speech detection with comment embeddings // In Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web. — New York, NY, USA, 2015. P. 29—30.

19. Fairclough N. Analyzing Discourse. Textual Analysis for Social Research. — London ; New York : Routledge Taylor & Francis Groupe, 2003. 270 p.

20. Henderson A. What's in a Slur? // American Speech. 2003. Vol. 78 (1). P. 52—74. DOI: <https://doi.org/10.1215/00031283-78-1-52/>.

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. 242 p.

22. Nobata C., Tetreault J., Thomas A., Mehdad Y., Chang Y. Abusive language detection in online user content // Proceedings of the 25th International Conference on World Wide Web. — Montréal : Québec, Canada, 2016. P. 145—153.